

© 1996 г. Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ

СИЛЛАБО-ТОНИЧЕСКИЙ МЕТР В ЭПИСТОЛЯРИИ ПУШКИНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье предлагается подойти к анализу писем поэта с точки зрения наличия в них аналогов силлабо-тонических строк (длиной более трех стоп); констатируется достаточно высокая, в том числе и по сравнению с художественной прозой Пушкина, частотность таких аналогов; делается предположение, что это связано с бессознательным в большинстве случаев и сознательным в ряде случаев воздействием стихотворного мышления на строй пушкинской прозы; приводятся многочисленные примеры. Отмечается также участие дополнительных «стиховых» приемов (рифм, лексических повторов, звукописи) в оформлении случайных метров.

Pushkin's letters are proposed to be analysed with an aim of finding in them the analogies to syllabo-tonic lines (more than three feet long). The author claims there are more such analogies in Pushkin's letters than in his prose. This could be ascribed to a-in the majority of cases-subconscious, and in some cases conscious, influence of the poetic thinking upon the metre of Pushkin's prose. Some other 'poetic' devices (e. g., rhymes, lexical reiteration, sound symbolism) are found to be used to create certain stray metres. The article contains numerous examples.

В стиховедении с давних пор утвердилось понятие «случайные метры», использующееся обычно для обозначения неизбежно возникающих в любой речи отрезков, расположение ударных и безударных слогов внутри которых не противоречит их трактовке как потенциальных строк того или иного из пяти силлабо-тонических метров. При этом обычно говорят о случайных двух- или трехсложниках, так как точно зафиксировать начало и конец подобных фрагментов, а следовательно, определить конкретный тип стиха не всегда представляется возможным.

Тем не менее, если принять за начала случайных метрических фрагментов начала слов, эта задача представляется все же разрешимой; исходя именно из такого подхода, выделяли случайные силлабо-тонические метры в русской классической прозе М. Гаспаров, В. Холшевников и М. Красноперова [1—3]. При этом исследователей интересовало в первую очередь различие, условно говоря, «стихового» и «прозаического», т. е. случайного, вариантов размера, что и было ими вполне убедительно показано. В соответствии с этим в изучаемых текстах выделялись не все наличествующие в них случайные метры, а только условные строки четырехстопного ямба, трехстопные трехсложники и т. д.

Задача наших предварительных замечаний несколько иная: нас будет интересовать в первую очередь возможность хотя бы предварительной генетической и функциональной классификации всех обнаруживаемых в прозаическом тексте случайных метров, причем выделяемых не в художественной, а в эпистолярной прозе, эстетическая роль в которой того или иного речевого приема хотя и не исключается вовсе, но в любом случае представляется гораздо менее значимой.

Далее на основе этой предварительной классификации будет рассмотрено общее направление эволюции случайных метров в эпистолярной поэме в связи с общей эволюцией его творчества.

Сразу же необходимо оговориться, что мы ни в коей мере не предполагаем появление тех или иных стихоподобных образований в прозе Пушкина явлением авторски осознанным и тем более целенаправленным — в частности, это показывает и само терминологическое наименование изучаемых отрезков случайными метрами. Тем не менее подобное изучение нам представляется вполне закономерным, так как позволяет описать некоторые интуитивные творческие механизмы, неизбежно работающие в целостной системе художественного мира писателя. Нам представляется при этом, что стихотворный (а конкретно силлабо-тонический) характер мышления поэта, творящего в эпоху господства классического стиха, очевиднее всего может проявляться в неумышленной (а иногда и умышленной) метризации его прозы, в том числе и не собственно художественной. Так, анализируя черновые наброски Н. Некрасова к поэме «Русские женщины», мы обнаружили появление метрических заготовок уже на самых ранних этапах фиксации замысла, причем будущий размер произведения постепенно вытеснял из прозаических набросков другие случайные метры [4].

Характерно, что именно эпистолярный оказывается достаточно прозрачным механизмом выявления стихотворного мышления у многих русских писателей. Так, в письмах С. Есенина ранних лет последовательно используются метрические фрагменты разных типов квазинародной метрики; не менее интересным фактом представляется избирательная метризация писем М. Мусоргского, проявляющаяся в значительной большей мере в его посланиях к поэтам-современникам, и в первую очередь — к А. Голицыну-Кутузову, чем к другим корреспондентам.

Эти разрозненные наблюдения позволяют нам предположить, что случайная метризация прозы, принадлежащей перу поэта, всегда оказывается, да простится нам этот невольный каламбур, не вполне случайной, по крайней мере можно говорить об определенных предпочтениях и тяготениях, характеризующих случайную метризацию каждого конкретного текста на фоне других текстов.

Теперь — о механизме вычленения случайных метров. Для этого все опубликованные в общедоступном издании Полного собрания сочинений письма поэта были прочитаны нами по особой методике: начиная с каждого нового слова последовательно проверялись на наличие метра все отрезки. При этом метрическим признавался всякий отрезок, включающий три или более следующих одна за другой трехсложные или четыре двухсложные стопы, не противоречащие силлабо-тонической трактовке, т. е. не допускающие ударений на слабых местах в двухсложниках и избегающие их в трехсложниках и одновременно предполагающие их вероятностное появление на сильных. Например, целое предложение из письма к Н. Н. Пушкиной от 8 июня 1834 г.: «Жду от тебя письма из Яропольца» (пятистопный ямб с женским окончанием), начало или конец предложения — из того же письма: «Не сердись, жена, и не толкуй...» (пятистопный хорей), «который до вас не доехал» (трехстопный амфибрахий) и «...вздумал было я в клобе играть» (трехстопный анапест с сверхсхемным ударением на первом слоге первой стопы) и т. д.

Особую сложность в силлабо-тонической разметке прозаического текста создают случаи несовпадения границ условно выделяемых строк и синтаксических единиц, создающие аналоги стиховых переносов. Такие квазистроки вызывают особое сомнение в правомерности их выделения, так как их силлабо-тоническое произнесение требует кардинальной смены произносительной установки. Мы посчитали уместным учитывать и такие случаи, поддающиеся трактовке по аналогии с основными типами межстрочного стихового переноса, как *rejet* («Вы уж узнали, думаю, о просьбе моей в отставку...» Я 5+3; 14,6.1824, А. Тургеневу) или *countre-rejet* («Шумит ли Питер?/что твой приезд и что „Онегин“»; Я 2+4:1—10. 11.1824, Л. Пушкину). Наконец, в ряде случаев в прозе могут быть выделены более длинные метрические фрагменты: аналоги двустопий (в этом случае учиты-

вались и трехстопные двухсложники) или так называемые метрические цепи, выступающие как своего рода аналоги либо регулярного («Боюсь, чтоб проза жизни/твоей не одолела/поэзии души», три строки Я 3; 13.8.1825, В. Туманскому), либо вольного метра, прерываемого клаузульными наращиваниями (реже — усе-чениями), либо как непрерывная квазистрока: превышающая любую стихотворную (например, 8 стоп дактиля в письме ко Льву от 20.12.1824: «Ветренный юноша Рокотов может письмо затерять — а ничуть не забавно мне...» или 11 стоп ямба подряд в письме к нему же от 25.8.23: «...да новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей...», правда, второй отрезок благодаря тире можно трактовать и как Я6 с мужской клаузулой + Я5).

Интересную цепочку из шести (4+2) стоп анапеста и пяти — ямба образует рассуждение 1827 г. в письме М. Погодину на тему состава «Московского вестника»: «...стихотворная часть у нас славная; проза/может быть еще лучше//но вот беда: в ней слишком мало вздору», от таких метрических фрагментов в рассуждениях по поводу стиха и прозы уже рукой подать до безусловно осмысленной ритмической рефлексии Набокова.

Разумеется, «ручной» характер обработки материала неизбежно привел к пропускам отдельных метрических отрезков, особенно в тех случаях, когда метр интуитивно казался особенно функционально «неуместным», однако общее представление о характере метризации пушкинского эпистолярия составить по полученным результатам уже можно. Поэтому в основном мы будем оперировать в этих заметках не цифровыми показателями, использование которых было бы в силу названной причины не вполне корректным, а общепринятой оценочной терминологией. В качестве же крайне приблизительного показателя для сравнительной оценки метризованности различных прозаических текстов мы будем использовать отношение количества слов, захваченных одним из метров, к общему числу слов в тексте (подсказано нам М. Л. Гаспаровым, которому автор выражает за это свою особую признательность). Приблизительность обусловлена в первую очередь крайне небольшим объемом выборки: 21 текст средним объемом около 200 слов каждый, что связано с прикидочным характером работы в целом.

Прежде всего следует отметить относительно высокую встречаемость силлабо-тонических фрагментов в письмах Пушкина в целом и определенные закономерности в их распределении в частности. Введя условные жанровые разграничения, можно констатировать, что наиболее метризованными оказываются бытовые письма поэта, адресованные к его близким, причем от года к году этот показатель растет (0,30 в письме Л. Пушкину от 30.1.1822; 0,37 — П. Вяземскому от 9.11.1826; 0,49 — П. Плетневу от 16.7.1831 и, наконец, 0,91 в приведенном ниже письме Н. Пушкиной от 16.5.1834). В деловых письмах метр встречается значительно реже и, как правило, вычленяется с трудом, очевидно, следует констатировать, что Пушкин, следуя общим канонам делового письма, следит в их числе и за тем, чтобы речь была неметричной. Сравнительные показатели по письмам примерно того же времени таковы: ноябрь 1822 г., послание А. Горчакову — 0,14; 26.11.1826, А. Бенкендорфу — 0,24; 25.4.1831, А. Гончарову — 0,06; 4.5.1834, Н. Павлищеву — 0,05. Разница, как видим, очень значительная, причем возрастает от года к году.

Примерно такое же расхождение можно увидеть и при сопоставлении бытовых писем с, говоря условно, «литературными», которые ближе всего к философской или собственно художественной прозе поэта; в его словно бы нарочно уходящих от метра описаниях природы, переживаний, в рассуждениях об исторических событиях и т. д. Проявляется это уже в первых по времени подобных фрагментах: описании пути в Кишинев в письме брату Льву от 24 сентября 1820 г., характеристике общества в деревне Давыдовых в письме Гнедичу от 4 декабря того же года, рассказе о греческом восстании в письме В. Давыдову от марта 1821 г. и т. д. Наиболее ярко проявляется такая «деметризация» в разборе «Горя от

ума» в письме к А. Бестужеву от конца декабря 1825 г., лирических описаниях конца 1820—1830-х годов.

Все это вполне соответствует наблюдениям А. Белого, констатировавшего в своей книге «Мастерство Гоголя»: «Вся повествовательная литература рвалась прочь от песни, чтобы стать „только литературой“. Эту тенденцию возглавляли с успехом, с блеском и Пушкин-прозаик, и Лермонтов» [5]. Сравним с этим наблюдение В. Холшевникова, что в своей художественной прозе Пушкин использует другие фигуры четырехстопного ямба, чем в стихах, т. е. сознательно или бессознательно уходит, отталкивается от наиболее привычных ему речевых моделей ритмической организации [1, с. 82].

Для сравнения нами была просчитана также силлабо-тоничность нескольких писем современников Пушкина (из переписки П. Вяземского и А. Тургенева, опубликованной во втором томе «Остафьевского архива», причем в некоторых речь идет непосредственно о Пушкине) и начальных фрагментов его художественной и публицистической прозы. Интересно, что письма ранних лет (1820-х годов) дали результат, достаточно близкий к пушкинским бытовым же письмам — 0,25 и 0,38, в то время как письма 1830-х годов заметно уступают пушкинскому бытовому эпистолярию, хотя заметно опережают его деловую почтовую прозу: 0,16 и 0,12.

Интересные результаты дали подсчеты, сделанные по прозе. В художественных текстах силлабо-тоничность оказалась достаточно стабильной, от 0,28 до 0,21, что значительно уступает пушкинскому эпистолярию и сопоставимо с ранним непушкинским. Критическая проза дала еще более низкие показатели — от 0,24 до 0,17, начало «Истории Пугачева» — 0,25. При этом практически все группы сравнительных текстов, в которых сопоставлялась динамика: пушкинский деловой эпистолярий, художественная и нехудожественная проза, а также письма современников, — демонстрируют относительную стабильность в сочетании с устойчивым стремлением к сокращению доли случайных метров, что принципиально противопоставляет их пушкинскому бытовому письму, особенно взятому в динамике.

К сожалению, эти результаты, повторимся, носят пока сугубо прикидочный характер и не могут считаться вполне репрезентативными. Тем не менее они позволяют поставить вопрос о качественно особой мере силлабо-тоничности пушкинского эпистолярия.

Интересно при этом, что в каждый период наиболее плотно метризируются письма, адресованные к одному, условно говоря, самому доверенному лицу, сначала это были Л. Пушкин и П. Вяземский (с 1822 г.), затем только Вяземский, потом П. Плетнев (с 1830 г.), наконец, Н. Гончарова (с 1831 г.). Именно в письмах к этим адресатам обнаруживаем силлабо-тонические отрывки, более всего напоминающие собственно стихотворные строки, в том числе и лирические. Например, «Нет, дружба входит в заговор с тиранством, сама берется оправдать его» (две строки Я 5; 13—15.9.1825, Вяземскому). «Представь себе ее огромной обезьяной (<...> Кто посадит/ее на цепь? не ты, не я, никто» (Я 5; ему же — о судьбе, май 1826). «Мы живем в печальном веке,/ но когда воображаю/Лондон...» (две с половиной строки четырехстопного хоря, 27.5.1826, ему же); «Ах, мой милый, что за прелесть/здесьняя деревня...» (X 4+3; 9.9.1830, Плетневу); «...хоть осень чудная и снег, и по колено грязь...» (Я 7, распадающийся на два полустишия или стиха; 29.10.1830, ему же); «Считай по пальцам: сколько нас? ты, я...» (Я 5; 21.1.1831, ему же); «...Писать стихи да ссориться с царями!» (Я 5, Н. Пушкиной, 20—22.4.1834); «Ты разве думаешь, что свиный Петербург//не гадох мне?» (Я 6+2 или Я 8; 29.5.1834, ей же).

Наибольшей плотности метризация достигает в письмах Н. Гончаровой-Пушкиной 1833—1836 гг., когда метрические фрагменты и цепи разной длины захватывают порой более половины объема текста. Например, в письме из Петербурга в Ярополец от 14 мая 1834 г., где метр захватывает всю вторую, большую часть письма (границы метрических фрагментов, идущих в письме

один за другим, обозначены двумя чертами, границы условных строк внутри фрагмента — одной чертой); «Давно, мой ангел, не получал я от тебя писем. Тебе, видно, было некогда. Теперь, вероятно, ты в Яропольце и уже опять собираешься в дорогу./Такая тоска без тебя, что того и гляди/приеду к тебе. Говорил я со Спасским, о Пирмонтских водах;/он желает, чтобы ты их принимала,/ и входил со мною/в подробности,//о которых/по почте не хочу тебе писать,//потому что не хочу, чтоб письма/мужа и жены ходили по полиции.//Пиши мне о своем здоровье//и о здоровье детей,//которых целую и благословляю.//Кланяюсь Наталье/Ивановне. Тебя целую./На днях получишь письма по оказии./Прощай, мой милый друг».

При этом в поздних бытовых письмах силлабо-тонизация становится ощутимее еще и потому, что теперь метрические фрагменты все чаще совпадают с фразами или предложениями, а иногда захватывают и по несколько предложений. Это связано, видимо, и с резким уменьшением длины предложений в письмах Пушкина, отражающим общую эволюцию его прозы, а также совпадает по времени с активным обращением поэта к практике повествовательных прозаических жанров.

Теперь несколько слов о функциональной нагрузке метризованных фрагментов. Особняком стоят в их ряду метрические отрывки в формулах обращения и прощания: тут, очевидно, можно говорить об определенных объективно зафиксированных в традиции эпистолярного жанра ритмических клише, вообще характерных для этих элементов послания. Ср. неоднократно отмеченное С. Корниловым стремление метризовать вывески, плакаты, лозунги, разного рода надписи и т. д., в котором совмещаются мнемонические и эстетические функции минимальных текстов.

Примеры разных размеров из писем разных лет: «...не знаю, получил ли мой ответ...» (Я 5; 27.9.1822, Гнедичу); «Благодарю тебя за *ты* и за письмо» (Я 6; 25.1.1825, Рылееву). «Прощай, мой милый, что ты пишешь?» (Я 4, август 1825, ему же); «...до сих пор я не мог отвечать вам...» (Ан 3.9.10.1826, В. Измайлову); «Прости, душа, здоров будь — это главное» (Я 6; 9.12.1830, Плетневу); «Дай-то Бог. Прощай, душа; не ленись и будь здоров» (две строки Х 4; 21.7.1831, Нащокину). Ср. шутливое обращение к Вяземским в письме от 1.12.1826 г.: «князь Вертопрахин и княгиня Вертопрахина» (редкий безцезурный Я 6).

С другой стороны, во многих случайных метрических отрывках можно услышать и отголоски лексики и фразеологии стихотворных посланий пушкинской поры: «Душа моя, ты слишком мало пишешь...» (Я 5; 16.11.1823, Дельвигу); «Мне грустно, мой милый, что ты ничего/не пишешь...» (Амф 3+ Амф 1.29.6.1824, А. Бестужеvu); «Ты помнишь Пушкина, прошедшего с тобою...» (Я 6; конец октября 1824, Всеволожскому). Интересные примеры этого рода — более чем наполовину метризованное письмо-послание Н. Алексеву в Кишинев от 1.12.1826 г. и практически полностью метризованная приписка к стихотворному посланию Языкову от 14.6.1828 г.

Кроме того, силлабо-тонический метр нередко появляется в письмах Пушкина собственно в стихах. Это и частые вставные стихотворные тексты, и, что особенно для нас интересно, разнообразные цитаты и автоцитаты, в том числе и видоизмененные, записанные прозаической графикой. Например, характеристика Жуковского словами Вяземского «Злодей! В бореньях с трудностью силач необычайный» (Я 1+6; 27.9.1822, Гнедичу) или составленная из двух ямбических цитат — из собственного стихотворения «К Овидию» и из языковского «Мы любим шумные пиры» — композиция в письме Л. Пушкину от октября 1822 г.: «О други, Августу мольбы мои несите!//но Август смотрит сентябрем...».

Еще сложнее обстоит дело с отрывками, в которых приводятся в прозаической записи искаженные и исправленные стихотворные фрагменты, между которыми расположен прозаический комментирующий текст или просто связки — см. например, анализ ошибок в «Кавказском пленнике» в письме Вяземскому от 14 декабря 1823 г., характерно завершающийся уже прозаическим четырехстопным

ямбом: «Зарезала меня цензура», вслед за чем идет тоже явно стихоподобное и укладывающееся в метр — правда, теперь Ан 6 — восклицание: «Я не властен сказать, я не должен сказать...», а затем снова ямб, включающий цитату: «...ей дней в конце стиха». В другом письме (Л. Пушкину от ноября 1824 г.) цитате из «Онегина» предшествует — несколькими строками раньше — четырехстопная случайная строка «Как можно ездить без оружия!». Аналогичным образом двум строкам из «Уединения» предшествует, будучи отделена от них двумя словами неметрической «связки», случайная строка того же четырехстопного ямба, которым написано пушкинское стихотворение «Кто думает ко мне заехать?» (20.12.1824, Л. Пушкину).

Есть и другие примеры того, как в окружении стихотворных цитат появляются метрические фрагменты, подготавливающие появление метра или подхватывающие его инерцию обычно в том же метре (например, в письме Вяземскому от 10.8.1825: «Не напечатать ли, сказав: *Нет, я в прихожую пойду путем доходным...*» (Я 4+6) или ему же от 14—15.8.1825: «Итак, не лучше ли: Как ты, *пустынно разразиться*», где присоединение к четырехстопному стиховому ямбу в начале еще двух стоп ямба с дактилическим окончанием дает интересную гибридную (проза+стих) семистопную ямбическую строку: «A horse, a horse! My kingdom for the horse! Прощай же до свидания» (Я 5 по-английски + Я 4 по-русски; 11.6.1831, Вяземскому).

Не менее выразительны «стыки» прозаического случайного и «чужого» стихового ямба в обзоре русской поэзии из письма к А. Бестужеву от начала июня 1825 г.: «С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищенье...»

и в письме Погодину от 1.7.1828 о Языкове: «...где говорит он о своих стихах:

Что ж? в Белокаменную с богом...»

Нередко в такие же отношения вступает с пушкинской эпистолярной прозой метризованная поговорка или пословица. Например, в письме А. Родзянко от 8.12.1824: «... Она премиленькая вещь —/но славны Лубны за горами». В фольклорных монтажах иногда встречаются также рифменные созвучия.

Описанное явление, которое исследователь японской классической литературы Л. Ермакова предложила называть «изготовкой на стих», наиболее полно и вполне осознанно использовалось позже в прозиметрических (т. е. состоящих из чередующихся фрагментов стиха и прозы, соизмеримых по объему и равноправных по смыслу) произведениях сначала К. Павловой, а потом В. Набоковым.

Строго говоря, между цитатами, особенно измененными, и случайными метрами невозможно провести отчетливой границы, особенно если цитируемый текст изменен до неузнаваемости. Точнее будет говорить о своего рода «стиховом поле», объективно присутствующем в эпистолярной прозе поэта, которое может сгущаться в стихотворные тексты и цитаты и разрезаться в метрически нейтральную прозу; при таком взгляде на вещи случайные метры можно рассматривать как своего рода переходные явления между двумя названными полюсными состояниями, объективно фиксирующие в своей структуре саму потенцию такой метаморфозы.

Здесь же можно сказать о редких, но достаточно выразительных рифмоидных созвучиях в метризованных фрагментах пушкинских писем; вспомним, кстати, при этом, что рифма воспринималась в пушкинскую эпоху как неперменный признак стиховой речи, что вызвало даже известные скептические высказывания самого поэта. Например, шуточные случайные двустипхия «Что кюхельбекерно мне/на чужой стороне...» (Дак 3; 30.1.1823, Л. Пушкину); «Сходнее нам в Азии/писать по оказии» (Амф 2; 20.12.1823, Вяземскому); «Твои догадки — гадки, виды мои — гладки» (Я 3+X 3; 1.12.1826, Соболевскому) или вполне

серьезная характеристика Байрона в письме Вяземскому от 24—25 июня 1824 г.: «... он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал» (Я 4+Я 3).

Иногда случайная рифма встречается и в неметрических фрагментах; тогда можно говорить о своего рода случайном раешнике, благо подобный тип стиха Пушкин в своей практике использовал: «Пришли мне „Цветов“ да „Эду“/да поезжай к Энгельгардтову обеду» (20—22.12.1824, Л. Пушкину); с более приблизительным созвучием — «Ты пришли мне стихов и прозы;/за журнал наш примемся после» (август 1831, Вяземскому). Можно назвать также несколько выразительных образцов стихоподобной звуковой связанности условной строки. Например, из письма Жуковскому от конца октября 1824 г.: «поэт! и оправдаем провиденье» (Я 5).

Другим агентом стихового мышления в прозе, в том числе и эпистолярной, может выступать избыточный лексический повтор, тоже создающий почти автоматически иллюзию стиха («...Остался год еще. Но целый год еще...», 27.3.1816, Вяземскому; «...и все то благо, все добро...», 30.1.1823, Л. Пушкину); «Когда-то свидимся... когда-то...» (Я 5; конец письма Всеволожскому от октября 1824 г.); «...но денег, ради Бога, денег!...» (Я 4; 20.12.1824, Л. Пушкину); «Что ты? что наши? В Петербурге/тоска, тоска...» (Я 4+2; 15.11.1828, С. Киселеву); «Однако/скудна Москва, пуста Москва, бедна Москва» (Я 1+6; 27.8.1833, Н. Пушкиной).

В ряде случаев можно говорить и об определенных параллелях между эпистолярной прозой Пушкина и его стихотворными произведениями; при этом в письмах, как правило, зафиксирован ранний этап работы над замыслом. Так, в письме Вяземскому от 1 июня 1831 г. Пушкин предлагает ямбическую формулу польского мятежа — «старинная, наследственная распря», развернутую вскоре в двух его знаменитых патриотических стихотворениях, тоже написанных ямбом; в письме Н. Гончаровой от 21 августа 1833 г. при описании петербургского наводнения появляется четырехстопный ямб («Дерева/по Царскосельскому проспекту/так и валялись...»), «пригодившийся» той же осенью в «Медном всаднике». Правда, возможна и подчеркнута полуцитатная постпозиция: «Сегодня кончил я 2-ю часть/моей трагедии...» (13—15.9.1825, Вяземскому).

Подобные же метрические параллели отмечены нами для ряда стихотворений и прозаических текстов разной природы у Н. Некрасова, а также — что значительно более выразительно, хотя и не метрично — для писем и стихотворений в прозе И. Тургенева.

Наконец, наиболее интересный для нас случай представлен достаточно редкими, но крайне выразительными стиховыми «заготовками», возникающими в письмах поэта, но затем не воплотившимися в стихотворения, по крайней мере до нас дошедшие. Появляются они достаточно рано; например, в письме Вяземскому от 2.1.1822: «...но он облил бесславный свой венок...» (Я 5); «...жеманным правилам французского театра...» (Я 6; 6.2.1823, ему же); «Вчера повеяло мне жизнью лицейскою...» (Я 6; 16.11.1823; Дельвигу); «...Его задержит в тине петербургской?» (Я 5; ноябрь 1824, Л. Пушкину). «Не кланяюсь, а поклоняюсь ей» (Я 5; 29.11.1824, Вяземскому); «...Михайловское душнс для меня» (Я 5; апрель 1825, Жуковскому); «На всякий случай поспешим/пока дороги не испортились...» (две строки Я 4; 10.10.1825, Вульфу); «...но дайте сроку — осень у ворот/я заберусь в деревню и пришлю вам/оброк сполна» (две с половиной строки пятистопного ямба; 1.7.1828, Погодину); «Мы живем во дни переворотов...» (X 5; 7.1.1831, ему же); «Я знал тебя всегда под бурею и в качке» (Я 6; 8.1.1835, П. Нащокину); «Емелька Пугачев оброчный мой мужик» (Я 6; 20.1.1835, ему же); «...Усатый агроном, тверской Ловлас...» (характеристика Вульфа; Я 5; 14.4.1836, Языкову).

Впрочем, количество примеров можно умножать и умножать; всего в пушкинских письмах нами отмечено по грубой прикидке около 5000 случайных строк. А уже сама эта цифра свидетельствует по крайней мере о необходимости более серьезного обследования эпистолярия поэта с точки зрения места случайных квазистроков в его структуре.

...Трудно спорить с утверждением пушкинского импровизатора, что всякий талант неизъясним. Однако на его риторический вопрос: «Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами?» — может быть, ответить когда-нибудь и удастся. По крайней мере наблюдения над происхождением и природой случайных строчек, постоянно непроизвольно рождающихся в этой голове, могут оказаться полезными для прояснения вопроса о том, в чем же заключается специфика стихотворного мышления и отличие его от прозаического. Тем более, что метр участвует, кроме уже перечисленных, и в таких крылатых фразах из пушкинских писем, как «Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!» (X 5) и «Черт догадал меня родиться/в России» (Я 4+1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Холшевников В.* Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе//*Холшевников В.* Стихование и поэтика. Л., 1991. С. 75—84.
2. *Красноперова М.* Модели лингвистической поэтики. Л., 1979.
3. *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих. М., 1974. С. 138—146.
4. *Орлицкий Ю.* Стих и проза в русской литературе. Воронеж, 1991. С. 16—18.
5. *Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 227.